

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СИМВОЛА «КОЛОКОЛ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XVIII – XIX в. И РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Исследуется текстообразующая функция символа «колокол» в романтических и символических поэтических произведениях и их переводах. Многозначность символа «колокол» воплощается в содержании поэтических произведений при передаче их концептуально значимого смысла.

Ключевые слова: символ; образ; поэтическая картина мира; лингвокогнитивное моделирование; романтизм; символизм; перевод.

Проблема символа рассматривается в отечественном литературоведении и языкознании в разных аспектах. К настоящему времени исследованы функционирование символа в поэзии [1] и прозе [2], своеобразие романтической [3] и реалистической [4] символики, эволюция символов в творчестве того или иного поэта [5], функционирование в поэзии так называемых сквозных, повторяющихся образов-символов [6], текстообразующая функция символа [7] и некоторые другие аспекты.

Ю.П. Солодуб, сопоставляя дефиниции символа, данные Г.В.Ф. Гегелем и П.А. Флоренским, определяет символ как материальную сущность, знак, означаемое которого значительно сложнее, глубже, шире и многограннее, чем то обычное содержание, которое закреплено в повседневной практике за данным означающим как обычным знаком [7]. Такое понимание символа соотносится с толкованиями символа «колокол», приведенными в «Краткой энциклопедии символов». Так, в энциклопедии указывается, что символическое восприятие колокола восходит к Античности. Колокола во многих культурах древнего мира представляли собой и *музыкальные инструменты*, и *культовые объекты*. В словаре приводятся основные значения этого символа: *созидающая сила, (вы)зов, предостережение, небо, посвящение, движение элементов, колдовство против сил разрушения, крайности, полярные оппозиции* [8].

Таким образом, из определения следует, что символ «колокол» характеризуется многозначностью, поэтому можно предположить, что он обладает способностью к сложному языковому моделированию и характеризуется текстообразующей функцией.

Цель настоящей статьи – исследовать текстообразующую функцию многозначного символа «колокол» на материале романтических и символических поэтических произведений европейской и американской поэзии конца XVIII – XIX в. В число этих произведений входят стихотворения У. Блейка «The Echoing Green» (1789), Г. Лонгфелло «Curfew» (1845), «Christmas Bells» (1864), «The Bells of San Blas» (1882), Э. По «The bells» (1849), Ш. Бодлера «La Cloche fêlée» (1861). Особую значимость рассмотрение символа «колокол» приобретает в связи с проблемой перевода поэтических произведений на русский язык. В статье рассматриваются переводы русских поэтов: С. Маршака, Вс.А. Рождественского, Б. Томашевского, Я. Пробштейна, В. Брюсова, Элиса.

Несмотря на временную отстраненность У. Блейка от романтиков, творчество которого относится к рубежу

XVII–XIX вв., его произведения были восприняты и оценены поэтами-романтиками, увидевшими в нем собрата по духу лишь спустя столетие. Блейк стал культовой фигурой в кругу поэтов-символистов. Творчество Ш. Бодлера, также по времени отстоящее от романтического литературного направления, рассматривается нами в рамках данной статьи. Это объясняется схожим отношением романтиков и символистов к символу как к транслятору концептуально значимого смысла.

Обладая смысловой многозначностью, символ «колокол» участвует в смыслопорождении поэтического текста. Анализ языкового материала позволяет говорить о двух моделях реализации семантического потенциала символа: о модели зрительного восприятия, основанной на материальных характеристиках колокола, и о модели слухового восприятия, в основе которой лежат представления о его звуковых характеристиках. Пропозиция звучания отражает пространственное деление мира на *божественное* и *земное, человеческое и природное*.

В соответствии с темой произведения, с системой философских взглядов автора выделенные оппозиции по-разному реализуются в текстах стихов. Идея гармоничного мироустройства ассоциируется со звучащим колоколом в стихотворении У. Блейка «The Echoing Green» и в стихотворении Г. Лонгфелло «Curfew».

Контрастное восприятие мира божественного и земного, человеческого и природного передается в других стихотворениях американского поэта Г. Лонгфелло: «Christmas Bells» и «The Bells of San Blas». В этих произведениях с помощью символа «колокол» выражается идея двоemiрия, актуальная для романтического литературного направления.

«Звучание» золотых, серебряных, медных железных колоколов в произведении Э. По «The bells» демонстрирует смысловой потенциал данного символа в процессе порождения многозначного поэтического текста, предшествуя зарождению французского символизма. Усложняющаяся роль символа, характерная для творчества поэтов-символистов, проявляется в многоплановости символа «колокол» в стихотворении Ш. Бодлера «La Cloche fêlée», с помощью которого реализуются различные смыслы (колокол – душа поэта, колокол – высшее начало, творчество).

В проанализированных стихотворениях символ «колокол» служит важнейшей семантической составляющей текста, реализуя широкий круг тем: *религиозной веры, мира и войны, жизненных этапов челове-*

ческой жизни, земного покоя, творчества и творческих исканий. Многозначность символа воплощается в семантике поэтических текстов, передающих контраст, взаимосвязь и взаимодействие нормативно различных и даже противопоставленных миров. В поэтических произведениях отбор слов, их комбинаторика, позиция, размещение в пространстве текста определяют не только поверхностно-сюжетный смысл, но также и глубинный смысл – целостную картину мира того или иного поэта.

На текстовом уровне концептуально значимое содержание формируется путем актуализации одного из символических обозначений колокола и его включения в различные текстово-смысловые парадигмы. Символические номинации колокола интерпретируют субъективно-авторские смыслы, вписанные в систему определенных концептов: **война, Бог, жизнь, творчество**. Символ «колокол» становится поэтическим репрезентантом этих концептов.

Данные концепты, не имея в тексте стихов ядерного слова, выражаются описательно путем реализации текстовых оппозиций. К числу таких оппозиций можно отнести: **творчество – война, любовь – война, мир – война; Бог – человек, Бог – жизнь, Бог – природа, Бог – творчество; жизнь – творчество, жизнь – смерть**. Использование конкретных оппозиций в поэтическом тексте определяется авторской концепцией, системой философских взглядов поэта, а также доминантной темой стихотворного произведения.

Проведем лингвокультурологический анализ стихотворений, чтобы наглядно проиллюстрировать текстообразующую функцию символа «колокол» в оригинальных поэтических текстах и их переводах, сделанных различными русскими поэтами-переводчиками.

В стихотворениях У. Блейка и Г. Лонгфелло представление о *религиозной вере* моделируется по принципу пропозиции звучания. Символическое воплощение колокола находит отражение в поэзии У. Блейка. Книга «Песни невинности» (1789 г.) – цикл стихотворений, объединенных системой сквозных образов и символов, стихотворений светлых и радостных, проникнутых традиционными идеями христианства [10].

Проблема противопоставленности земного и небесного миров решается У. Блейком в пользу их гармонизации. Так, в стихотворении «The Echoing Green», озаглавленном С. Маршаком «Смеющееся эхо», символическое представление о колоколе как о созидательной силе влияет на всю систему образов.

Сравните: *The Sun does arise, / And make happy the skies. / The merry bell ring, / To welcome the Spring. / The sky-lark and thrush, / The birds of the bush, / Sing louder around, / To the bells cheerful sound, / While our sports shall be seen / On the Echoing Green* (досл.: *Солнце взошло и сделало счастливыми небеса. Веселый колокол звучит, приветствует весну. Жаворонок и дрозд, лесные птицы, поют громче вокруг под веселый звон колокола. Мы резвимся на звучащем эхом лугу*).

Божественное начало тесно переплетается с образами земной жизни, гармонизируя ее. Реальные объекты высшего мира (*the Sun* – досл. *солнце*, *the skies* – досл. *небеса*) ставятся в один ряд с абстрактными объектами (*the merry bell* – досл. *веселый колокол*), символически передающими идею Бога. Звучание колоколов

(*the bells cheerful sound* – досл. *веселое колокольное звучание*) эхом отражается в реальном природном мире. Примечательно, что в переводе этого стихотворения, сделанного С. Маршаком, идея божественного звучания в земном мире выражается с помощью слова *звон* в сочетании с обстоятельством места *с вышинны*. Представляется, что такой выбор не случаен, более того, он соответствует содержанию подлинника, актуализирует семантику слова *bell* (досл. *колокол*) в русском переводе.

Сравните: *Солнце взошло, / И в мире светло. / Чист небосвод. / Звон с вышинны / Славит приход / Новой весны* (С. Маршак).

В стихотворении У. Блейка и его переводе на русский язык важно отметить роль лексических средств с семантикой света или цвета. Гармония бытия концептуализируется при помощи визуального образного ряда, который репрезентируется лексемами английского: *the Sun, Green*, и русского языков: *светло*. Данные лексеммы символизируют божественное начало, органично дополняя звуковые образы стихотворения.

В произведении Г. Лонгфелло «The Bells of San Blas» и его переводе на русский язык («Колокола Сан Бласа»), сделанном Вс.А. Рождественским, тема *религиозной веры* реализуется через противопоставление земного и небесного. Колокола символизируют церковь и веру в Бога [11].

Сравните: *For bells are the voice of the church* (досл. *Колокола – голос церкви*) – *То церкви голос суровый* (Вс. Рождественский). В начале стихотворения пропозиция слухового восприятия моделирует представление о духовном начале.

Способностью услышать и отличить звучание колокола от земных звуков наделяются избранные:

What say the Bells of San Blas / To the ships that southward pass / ... To them it is nothing more / Than the sound of surf on the shore. (досл.: *Что говорят Колокола Сан Бласа кораблям, плывущим на Юг. Для них это не больше, чем звук прибоя на берегу*).

Сравните: *Что значит их звон зовущий // Для кораблей, плывущих / ... В нем слышат не что иное, / Как шум обычный прибоя, / Матросы и капитан* (Вс.А. Рождественский).

Смена субъекта восприятия (*to me, a dreamer of dreams* – досл. *для меня, мечтателя*), способного слышать больше, чем другие, имеет важное значение и вводит в стихотворение религиозную тему веры в Бога: *The Bells of San Blas to me / Have a strange, wild melody, / And are something more than a name.* (досл.: *Колокола Сан Бласа для меня имеют странную, дикую мелодию и являются чем-то большим, чем имя*).

Сравните: *Колокола Сан-Бласа – / Предвестье иного часа* (Р. Рождественский). Таким образом, создается противопоставление земного и божественного, духовного и бездуховного, обычного и избранного.

Изменение качественных характеристик колокола (*mould and rust* – досл. *плесень и ржавчина*) ассоциируется с упадком былой веры в Бога: *The bells swing to and fro, / And are green with mould and rust. / «Is, then, the old faith dead,» / They say* – (досл.: *Колокола раскачиваются вперед и назад, зеленые от плесени и ржавчины. «Старая вера мертва», – они говорят*).

Сравните: *Колоколов суровых / Взывает ржавая медь / Угасла вера былая, – / Они говорят* (Вс.А. Рождественский).

Таким образом, предметные характеристики колокола важны при моделировании различных текстовых интерпретаций, смыслов и концептов. Это становится очевидным при анализе стихотворения другого американского поэта-романтика Э. По «The bells», переведенного на русский язык В. Брюсовым и озаглавленного им «Звон».

Предметные характеристики колокола наглядно обыгрываются в стихотворении Э. По «The bells», композиционно отражающем смену периодов человеческой жизни (детство, юность, старость и смерть), и символически обозначенных как *silver bells* (досл. серебряные колокола), *golden bells* (досл. золотые колокола), *brazen bells* (досл. – бронзовые колокола), *iron bells* (досл. – железные колокола). В стихотворении важную роль начинают играть звукоподражательные глаголы, звукопись, ритмический рисунок стиха, которые передают концептуально значимые авторские представления о жизни и смерти, молодости и старости.

В первой части стихотворения веселый и нежный перезвон колокольчиков под дугой (*silver bell*) символизирует детство и юность. Предикаты *jingle* (досл. звенеть, звякать) и *tinkle* (досл. звенеть, звонить), используемые поэтом в этой части, звукоподражательно передают переливы серебряных колокольчиков. Символом счастливой любви являются золотые колокола свадебного поезда: *Hear the mellow wedding bells, / Golden bells!* – (досл.: Слушай спокойные свадебные колокола, золотые колокола).

Темы молодости и старости, жизни и смерти концептуализируются с помощью лексических средств: звукоподражательных форм *ringing* (досл. звон, трезвон), *rhythming* (досл. рифма), *chiming* (досл. перезвон), а также синонимических и антонимических пар. В четвертой части произведения описывается приход смерти. Смерть ассоциируется у поэта с *медными колоколами*, которые наделяются способностью издавать вопли. Не случайно, что предикаты этой части – глаголы, передающие отрицательную оценку ситуации звучания: *scream* (букв. пронзительно кричать), *shriek* (досл. издавать резкий, пронзительный звук), *clamor* (досл. шуметь), *clangor* (досл. резкий металлический звук), *roar* (досл. реветь), *twang* (досл. издавать резкий звук), *jangle* (досл. бряцать).

В четвертой части стихотворного произведения приход смерти ассоциируется с *железными колоколами* – *Iron bells*. Предикат *toll* обозначает похоронный звон. Э. По использует лексическую единицу *rust* (досл. ржавчина), которая обозначает дефектные характеристики колокола, способного издавать только стон. Сравните: *For every sound that floats / From the rust within their throats / Is a groan* (досл.: Каждый плывущий звук из ржавчины их глоток есть стон).

Представления о предметных характеристиках колокола, лишенного своей целостности, ложатся в основу стихотворения французского поэта-символиста Шарля Бодлера «La Cloche fêlée». На русский язык стихотворение было переведено Эллисом и озаглавлено «Разбитый колокол» [13. С. 210].

Ш. Бодлер / Эллис.

Il est amer et doux, pendant les nuits d'hiver, / Как в ночи зимние, и горько и отрадно

D'écouter, près du feu qui palpite et qui fume, / В огонь мигающий вперть усталый взгляд,

Les souvenirs lointains lentement s'élever / Колоколов трезвон сквозь мглу внимая жадно,

Au bruit des carillons qui chantent dans la brume. / Забытых призраков будя далекий ряд.

Bienheureuse la cloche au gosier vigoureux / Блажен ты, колокол, когда горланью грозной

Qui, malgré sa vieillesse, alerte et bien portante / И неслабеющей сквозь сумрак и туман

Jette fidèlement son cri religieux, / Далеко разнесен твой крик религиозный,

Ainsi qu'un vieux soldat qui veille sous la tente! / Когда ты бодрствуешь, как добрый ветеран!

Moi, mon ame est fêlée et lorsqu'en ses ennuis / И ты, мой дух, разбит; когда ж, изныв от скуки,

Elle veut de ses chants peupler l'air froid des nuits, / Ты в холод сумрака пошлешь ночные звуки,

Il arrive souvent que sa voix affaiblie / Вдруг зычный голос твой слабеет, изменит;

Semble le râle épais d'un blessé qu'on oublie / Так в груди мертвых тел повернутый в сраженьи,

Au bord d'un lac de sang, sous un grand tas de morts Хрипя, / Брошает нам отчаянный призыв,

Et qui meurt, sans bouger, dans d'immenses efforts. / Не в силах двинуться в безмерном напряженьи.

Представления Ш. Бодлера о творчестве и творческих исканиях поэта ассоциируются у него с треснувшим колоколом.

Согласно символической эмблематике колокол с трещиной плохо звонит. В стихотворении колокол ассоциируется с понятием духовности. Это понятие передано лексемами с соответствующей семантикой *bienheureuse* (досл. блаженный) и *religieux* (досл. религиозный). Колокол олицетворяет божественное начало и символизирует возвышение и творческую силу, противопоставленную хандре.

Контрастные представления о земном и божественном, мимолетном и вечном реализуются у Ш. Бодлера при помощи пропозиции звучания. Прием контраста используется для изображения концептуально противопоставленных явлений *fume* (досл. дым) и *brume* (досл. туман), отражающих представления о тепле внутреннего и холоде внешнего мира. Уже в конце первого четверостишия появляется образ звучащих колоколов (*Au bruit des carillons qui chantent* – досл.: В шуме поющих колоколов), нарушающих уединение поэта.

Ш. Бодлер не сразу приходит к теме колокола, не случайно слово *carillons* в его творчестве имеет несколько значений: это и куранты, и маленькие колокольчики. Тема колокольного звучания – это символическая тема, модель творческого, созидательного начала. Образ колокольного звучания ассоциируется у Ш. Бодлера со старым солдатом, мужественно несущим свой пост: *Vieux soldat qui veille sous la tente* (досл.: Вижу солдата, который бодрствует под навесом). Дисциплина и искусство являются для Ш. Бодлера залогом успешной победы над сплином и хандрой

зимнего сезона (*l'air froid des nuits* – досл.: Холодный воздух ночей).

В последнем четверостишии упаднические настроения поэта достигают апогея. Так, в первой строчке слово *rôle* (досл. *хруп*) вкладывается в уста раненого солдата. Поэт создает яркий визуальный образ умирающего человека (*sans bouger* – досл. без движения). Умиравший солдат ассоциируется со смертью, со сломленным духом поэта в борьбе со сплином. Значимость образа подчеркивается словами с семантикой большого количества и размера (*grand tas de morts* – досл. большая груда мертвых, *lac de sang* – досл. озеро крови), а также словом, содержащим компонент «цвет».

Таким образом, символ «колокол» формирует концептуальные текстовые парадигмы: **творчество – война, Бог – человек, Бог – творчество; жизнь – творчество, жизнь – смерть**. Символ «колокол» демонстрирует разнообразие валентных связей при концептуализации понятий в творчестве поэта-символиста Ш. Бодлера.

Многозначность символа «колокол» отражается в тематическом разнообразии проанализированных стихотворений в разных языках.

Так, в произведении «Christmas Bells» американского поэта Г. Лонгфелло и в его переводе на русский язык Б. Томашевского «Рождественские колокола» реализуется тема *войны и мира* [11]. В христианской традиции колокол является символом архангельской трубы, воспевающей величие Божие, побуждающей к бодрствованию духа, к непрестанной молитве. В стихотворении «Christmas Bells» колокол символически отражает традиционное для христианской культуры представление о колоколе.

Произведение обладает своеобразной композицией: оно состоит из семи четверостиший, каждое из которых репрезентирует определенное авторское настроение, воплощенное в системе образов. Ритмический рисунок стихотворения несет определенную смысловую нагрузку, имитируя перезвон колокола: начиная с мерного раскачивания, переходящего в перезвон и завершающегося смысловым рефреном. *With peace on earth, good-will to men* – «Мир на земле и счастье всем!» (Б. Томашевский).

В русском переводе данного стихотворения расширяется визуальный ряд, содержащий лексемы со значением света. Так, в оригинале зафиксированы четыре (*the day, night (2), black*), а в переводе – шесть лексем (*мгла (2), тьма (1), рассвет (2), черный (1)*). Уже в начале первого четверостишия переводчик использует словосочетание *рождественская мгла*.

Четвертое и пятое четверостишия стихотворения «Christmas Bells», содержащие отсылку к американской Гражданской войне, отличаются от всех остальных частей данного стихотворения. Звучание рождественских колоколов «заглушается» громовыми раскатами пушечных ударов. Звучание орудий сравнивается со звуками землетрясения, что непосредственно отражается на смысле всего стихотворения.

Г. Лонгфелло / Б. Томашевский.

Then from each black, accursed mouth / Но вдруг на Юге золотом

The cannon thundered in the South, / Орудий черных грянул гром...

And with the sound / И вот едва

The carols drowned / Слышны слова:

Of peace on earth, good-will to men! / «Мир на земле и счастье всем!»

It was as if an earthquake rent / Землетрясенья страшный гул

The hearth-stones of a continent, / Весь материк перевернул,

And made forlorn / Вмиг заглушив

The households born / Святой призыв:

Of peace on earth, good-will to men! / «Мир на земле и счастье всем!»

В трагедию, запечатленную Лонгфелло, вовлекается не только человек, но и природа, что придает ей вселенский размах. В контрастных звуковых образах актуализируется оппозиция земного: *cannon thundered* – (досл. пушка прогремела), *an earthquake rent* – (досл. землетрясение прогремело) и небесного: *ringing* – (досл. звучание), *singing* – (досл. пение), *a chime* – (досл. перезвон колоколов), *a chant sublime* – (досл. чистое пение) и др.

Тема войны и мира, являющаяся доминантной темой стихотворения Г. Лонгфелло «Christmas Bells», сменяется темой земного покоя в другом его стихотворении «Curfew» («Вечерний звон»), переведенном на русский язык Я. Пробштейном. Оппозиция земного и небесного четко прорисована в первом стихотворении. Эта оппозиция отражает дисгармонию восприятия жизни поэтом.

Стихотворение американского поэта включает многозначный глагол *to toll*, передающий широкий спектр как отрицательных (*похоронный звон*), так и положительных (*благоблагостить*) эмоций. В данном контексте глагол передает скорее нейтральное понятие (*отбивать часы ударами колокола*). Звучание колокола, мерно отбивающего удары, является аккомпанементом, сопровождающим течение земной жизни.

Такое восприятие жизни отражается и в русском переводе этого произведения, сделанном Я. Пробштейном [12]. *Toil comes with the morning, / And rest with the night* (досл.: Тяжелый труд приходит с утром, а отдых – с ночью).

Сравните: *На смену работе / Приходит покой (Я. Пробштейн)*.

Звучание колокола является сигналом для прекращения всех земных звуков. *Sound fades into silence, – / All footsteps retire. / No voice in the chambers, / No sound in the hall!* (досл.: Звуки прекращаются в темноте, все шаги затихли. В комнатах нет голосов, нет звуков в прихожей).

Сравните: *Звуки угасти, / И гаснет очаг. / В безмолвие ночи / Дом погружен* (Я. Пробштейн). Представление об окончании дня, смене времени суток передается при помощи звуко-визуального образа погасшего очага и «угасших звуков».

Анализ поэтических произведений позволяет сделать вывод о том, что текстообразующая функция символа «колокол», в той или иной степени представленная в поэтических текстах, реализуется на разных уровнях: *фонетическом, лексическом, текстовом*.

По наблюдению Ж.Н. Масловой, ритмический и звуковой рисунок является самостоятельным художе-

ственным концептом, поэтому ритм следует считать самостоятельным смысловым компонентом, участвующим в формировании самостоятельного смысла текста. Фонетический уровень стиха – способ кодирования самых абстрактных и приблизительных смыслов [9].

Лингвистический анализ показал, что на фонетическом уровне текста ритмическое оформление стихотворений отражает звуковые характеристики колокола, например в стихотворениях «Christmas Bells» Г. Лонгфелло и «The bells» Э. По.

На лексическом уровне текста значительную роль в категоризации поэтической картины мира играют лексические единицы в прямом и переносном значениях, построенные на метафорическом и метонимическом переносе, эпитеты. Особую функцию имеют лексемы с семантикой восприятия.

Интерпретационный потенциал символа «колокол» реализуется в поэтических текстах по двум моделям, которые восходят к ситуациям зрительного и слухового восприятия:

1. **Модель зрительного восприятия**, основанная на способности человека характеризовать предметы окружающего мира при помощи зрения. Эта модель воплощается в семантике единиц, описывающих материальные характеристики колокола как объекта: *silver bells* (досл. серебряные колокола), *golden bells* (досл. золотые колокола), *brazen bells* (досл. медные колокола), *iron bells* (досл. железные колокола), *green with mould and rust* (досл. зеленый с плесенью и ржавчиной), *la cloche fêlée* (досл. треснувший колокол) и др. В рамках модели актуализируются качественные характеристики объекта звучания (материал, качество, состояние).

Визуальный ряд, представленный лексемами с семантикой зрительного восприятия (цвета и света), органично дополняют звуковые образы, усиливая ту или иную доминантную тему произведения.

2. **Модель слухового восприятия**, основанная на способности человека дифференцировать звуки окружающего мира при помощи слуха. Эта модель реализуется посредством лексических единиц с семантикой звучания: *jingle* (досл. звенеть, звякать), *tinkle* (досл. звенеть, звонить), *toll* (досл. звонить в колокол, благовестить, и др.), *the bells cheerful sound* (досл. веселый звук колоколов) и др.

Пропозиция звучания представлена в стихотворениях различными лексическими средствами, однако объект звучания остается неизменным. Лексические единицы, отражающие тот или иной аспект звучания, обладают важной функцией – моделируют пространственное осмысление мира.

Представление о пространстве неразрывно связано с бинарными **оппозициями земного и небесного, божественного и человеческого, мимолетного и вечного**. Оппозиции могут как контрастировать, так и пересекаться друг с другом, создавая, таким образом, систему концептуально возможных миров, двоemiрие или многомирие.

Таким образом, были проанализированы шесть произведений американской, французской, британской поэзии, отличающихся друг от друга по ряду призна-

ков: времени создания, тематике, лексико-грамматическим средствам создания образности, характерными для того или иного языка [14].

В качестве материала исследования были рассмотрены поэтические произведения английского поэта-романтика Уильяма Блейка, американских поэтов-романтиков Генри Лонгфелло, Эдгара По и французского поэта-символиста Шарля Бодлера. Проанализированный стихотворный материал, характеризующийся временной неоднородностью, обнаружил закономерности при осмыслении действительности разными поэтами.

Эти закономерности связаны, прежде всего, с древними культурными представлениями о колоколе, как о музыкальном, так и культовом объекте. Такие представления дали возможность выявить и показать моделирующие способности символа «колокол», предполагающие постоянное порождение новых, референциальных смыслов в парадигме творчества отдельных авторов и национальных литератур.

Анализ русских переводов позволил сделать вывод о важности символа «колокол» при передаче смысловой структуры поэтических произведений. В некоторых русских переводах, например С. Маршака и Б. Томашевского, проявляется тенденция к эмоциональному усилению перевода по сравнению с оригиналом.

Переводчик, являясь интерпретатором авторских идей, актуализирует, а порой и углубляет значение символа, заложенное автором оригинального текста, расширяя и изменяя лексико-грамматическую форму поэтического текста.

Символ «колокол» является текстообразующим элементом поэтической картины мира, изучение которого в системе поэтического текста позволяет исследовать когнитивную деятельность человека. Данный символ участвует в формировании доминантной темы стихотворений, реализуемой посредством одного или нескольких концептов и представленной в системе оппозиций.

Символ «колокол» участвует в интерпретации субъективно-авторских смыслов и определяет выбор тех или иных фонетических, лексических и грамматических средств в английском, французском и русском языках.

Все многообразие языковых средств, связанных с представлением о «колоколе» в творчестве поэтов, может быть описано при помощи моделей зрительного и слухового восприятия.

В модели зрительного восприятия актуализируются представления о качественных характеристиках объекта, его целостности, наличии / отсутствии эффектов и др.

Модель слухового восприятия репрезентирована лексическими средствами с семантикой звучания и слухового восприятия, выражающих нейтральную, положительную или отрицательную оценку ситуации. Textoобразующая функция символа «колокол» проявляется в использовании поэтами звукоподражательных глаголов, аллитераций. Наличие моделей свидетельствует об универсальности системы восприятия в английском, французском и русском языках, пред-

ставленной разными лексическими средствами. Стихотворение Ш. Бодлера характеризуется усложнением образности, связанной с идеей звучания. В центре пропозиции звучания находится колокол, который вызывает у поэта ассоциации с творчеством, Богом, войной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафьянова И.В. Анализ символики поэтического текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л. : ЛГПИ, 1984. С. 105–111.
2. Мучник Г.М. Композиционные способы выдвигания образа-символа в художественном произведении // Художественное творчество и взаимодействие литератур. Алма-Ата, 1985. С. 36–43.
3. Храповицкая Г.Н. Двоемирие и символ в романтизме и символизме // Филологические науки. 1999. С. 35–41.
4. Минералова И.Г. Проза Чехова и проблема реалистического символа : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985. 25 с.
5. Субботина М.В. Символические образы в лирике Лермонтова и А.А. Блока. Воронеж, 1989. 302 с.
6. Азбукина А.В. «Соловей» – эмблема в русской поэзии I половины 19 века // Русская и сопоставительная филология : сб. тр. молодых ученых Казан. гос. ун-та, 2003. С. 100–107.
7. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студ. лингв. фак. учеб. заведений. М. : Академия, 2005. 304 с.
8. Краткая энциклопедия символов. URL: <http://wiki.simbolarium.ru>
9. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 280 с.
10. Блейк У. Песни Невинности и Опыта / пер. с англ. С. Степанова. СПб. : Азбука-классика, 2006. 272 с.
11. Г.У. Лонгфелло. URL: <http://lukianpovorotov.narod.ru/longfellow.html> (дата обращения: 15.05.2012).
12. Пробиштейн Я. URL: http://lib.1september.ru/view_article.php?ID=200801512 (дата обращения: 15.05.2012).
13. Бодлер Ш. Цветы зла: Стихотворения. СПб. : Издательский Дом «Азбука Классика», 2008. 448 с.
14. Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru/2011/02/20/9062> (дата обращения: 2.10.2011).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 мая 2013 г.